

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)
Б79

Художественное оформление серии *Виктории Лебедевой*

Большая книга мудрости Востока / Сунь-цзы, Лао-цзы и др. — Москва : Издательство Б79 «АСТ», 2020. — 608 с. — (Большая книга искусства и истории).

ISBN 978-5-17-119541-0

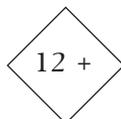
Перед вами «Большая книга мудрости Востока», в которой собраны труды величайших мыслителей. «Книга о пути жизни» Лао-цзы занимает одно из первых мест в мире по числу иностранных переводов. Главные принципы Лао-цзы кажутся парадоксальными, но, вчитавшись, начинаешь понимать, что есть другие способы достижения цели: что можно стать собой, отказавшись от своего частного «я», что можно получить власть, даже не желая ее.

«Искусство войны» Сунь-цзы — трактат, посвященный военной политике. Это произведение учит стратегии, тактике, искусству ведения переговоров, самоорганизованности, умению концентрироваться на определенной задаче и успешно ее решать. Идеи Сунь-цзы широко применяются в практике современного менеджмента в Китае, Корее и Японии.

Конфуций — великий учитель, который жил две с половиной тысячи лет назад, но его мудрость, записанная его многочисленными учениками, остается истинной и по сей день. Конфуций — политик знал, как сделать общество процветающим, а Конфуций — воспитатель учил тому, как стать хозяином своей судьбы.

«Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени». В этой книге известный китаевед В.В. Малявин предлагает оригинальный взгляд не только на традиционную культуру Китая, но и на китайскую историю. На примере анализа различных видов искусства в книге выявляется общая основа художественного канона, прослеживается, как соотносятся в китайской традиции культура, природа и человек.

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

Научно-популярное издание

Сунь-цзы, Лао-цзы и др.
БОЛЬШАЯ КНИГА МУДРОСТИ ВОСТОКА
Большая книга искусства и истории

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Заведующая редакцией Е. Ларина; ведущий редактор С. Якубова; корректоры А. Шапошникова, А. Рождественская, К. Чазова; технический редактор Т. Тимошина; компьютерная верстка А. Грених

Подписано в печать 18.12.2019. Формат 84x108/16. Усл. печ. л. 63,8
Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705, помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аст» ЖШК

129085, Мәскеу қ., Звездный гулзар, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru. Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы» Казахстан

Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі — «РДЦ-Алматы» ЖШС

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а» үй, Б литері, 1 кенсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91; факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz

Тауар белгісі: «АСТ». Өндірілген жылы: 2020

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірілген мемлекет: Ресей
Сертификация — қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-119541-0

© В. Малявин, автор текста, перевод, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2020
© Е. Ямбург, комментарии, 2020
© И. Канаев, перевод, комментарии, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

КОНФУЦИЙ
ВЕЛИКОЕ УЧЕНИЕ
С КОММЕНТАРИЯМИ
И ОБЪЯСНЕНИЯМИ

Череда поколений подобна одному человеку, который непрерывно учится.

Б. Паскаль

Предисловие

Человек, получивший от современников почетное прозвище Кун-фу-цзы, что значит «почтенный учитель Кун», а в Европе известный под латинизированным именем Конфуций, жил две с половиной тысячи лет тому назад в стране, удаленной от Европы на десятки тысяч верст. Он не сделал политической карьеры, не одержал громких побед на полях сражений, не поразил мир гениальными открытиями и, будучи очень скромным, даже не оставил потомкам письменных поучений. Но ему удалось то, о чем может только мечтать каждый человек, и в особенности человек учительствующий: слава о нем облетела весь мир, а на его родине, в Китае, память о нем и сегодня заявляет о себе неоспоримой наглядностью материальных предметов. В лежащем у подножия Шаньдунских гор городке Цюйфу, родном городе Конфуция, приезжему непременно покажут и старинную усадьбу рода Кунов, где живут прямые потомки — теперь уже в семьдесят восьмом поколении! — древнего мудреца, и могилу самого Конфуция. Нынче в Цюйфу каждый год проводят пышные празднества в честь первого Учителя Китая. Под грохот барабанов и завывания труб актеры, одетые в экзотические костюмы, с топорами и секирами в руках

исполняют ритуальные танцы, которые доводилось видеть самому Конфуцию. И в воздухе, напоенном терпким запахом благовоний, звучат слова хвалебных гимнов величайшему мудрецу Китая:

Велик, велик, велик Конфуций!
Ему введом вселенский путь вещей.
Он телом стал одним и с Небом,
и с Землей.
О, Учитель десяти тысяч поколений!..

Если заслуги учителя определяются тем, насколько его жизнь, его опыт и мысли продлеваются в его учениках, то Конфуция и в самом деле можно назвать величайшим Учителем всех времен: имя его стало подлинным символом мудрости целого народа, а память о его жизни, о его неповторимой личности сохранилась до наших дней. В чем же секрет этой необыкновенной жизнени наследия Учителя Куна?

Ответ прост, но требует долгих размышлений: Конфуций первым в истории открыл человека; он был учителем человечности в человеке. До Конфуция на земле были только боги или потомки богов — цари, герои, божественные первопродки. Конфуций с простотой, достойной основоположника великой ци-

визации, провозгласил: у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком и стать творцом культуры — единственной реальности, которая целиком и полностью создается людьми. И в этом усилие самоосознания, высвечивающего в жизни Прекрасное, Возвышенное и Должное, человек, по Конфуцию, не уступает богам.

Что же, согласно Конфуцию, делает человека подлинно человеческим, что очеловечивает человека? Не что иное, как способность осмыслять свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться всегда и во всем — способность, данная человеку от природы и все же реализуемая нами через непрестанное и многотрудное усилие. В ней сходятся и приходят к равновесию, друг друга обуславливая, природное и культивируемое, знание и действие.

Но усилие самосовершенствования, как всякая практика, всякое искусство, не может осуществляться на пустом месте. Оно требует своего материала, и материал этот, как хорошо видел Конфуций, составляет ему культура, еще точнее — культурная традиция, в которой запечатлен опыт совершенствования, самоочеловечивания многих поколений людей.

В деле учительства должно цениться в первую очередь не оригинальное, даже не умное, а просто долговечное, непреходящее, вечнопреемственное в нашем опыте. Воистину же неизбежно всякое мгновение жизни, озаренное светом разума. Культура, по своей сути, есть жизнь, наполненная сознанием и сознательно прожитая; жизнь неумирающая, ибо она простирается в вечность. А творчество, способность человека к самообновлению, открытию новых горизонтов своего бытия оказываются в итоге лучшим залогом человеческого постоянства.

Конфуций был первым и, может быть, самым убежденным и последовательным защитником культуры в человеческой истории. Этим определено его значение как педагога.

Если верить преданию, Конфуций родился в 551 г. до н. э. от весьма экстравагантного брака семидесятилетнего воина-ветерана и семнадцатилетней девушки.

Еще в раннем детстве он лишился отца и вырос в доме матери, познав нужду и бедность. Но он причислял себя к служилому сословию и мечтал о славе государственного мужа. Однажды, лет шестнадцати от роду, Конфуций даже явился на званый пир в дом одного знатного вельможи, но привратник прогнал его со двора, заявив, что хозяин не принимает у себя таких оборванцев. Будущий «наставник всех поколений» не смутился и не озлобился, а продолжал все с тем же упорством готовить себя к государственной карьере. И был вознагражден за свое усердие. Вскоре он получил должность смотрителя амбаров, а потом смотрителя пастбищ в своем родном царстве Лу. Со временем необыкновенная книжная эрудиция и превосходное знание старинных церемоний принесли ему известность при царском дворе, но сделать карьеру чиновника Конфуцию так и не удалось. Он был слишком прямодушен и искренен, чтобы выжить в обществе дворцовых интриганов. Несколько лет он провел в добровольном изгнании, сопровождая законного правителя царства. Позднее, уже занимая должность главного судьи царства Лу, он снова покинул родину, протестуя против неблагоприятного поведения государя. Четырнадцать лет Конфуций колесил по городам и весям, проповедуя принципы «доброго правления». Местные правители с почетом принимали знаменитого ученого, сочувственно выслушивали его и... вежливо выпроваживали. Никто из них так и не поверил словам Учителя Куна о том, что власть в этом мире дает не сила, а учение и добродетель. В конце концов Конфуций возвратился на родину и стал жить, как гласит предание, «в праздности», отдавая свое время ученым занятиям и воспитанию учеников.

Чего же добивался Конфуций? В чем черпал он силы противостоять нелегким жизненным обстоятельствам? Отметим, прежде всего, что жизнь Учителя Куна пришлась на время упадка династии Чжоу, когда страна распалась на множество самостоятельных уделов, а прежний жизненный уклад оказался поколебленным:

в обществе усиливалось брожение, всюду зрели семена смуты и междоусобных войн. За пятьсот лет до Конфуция, когда чжоусцы завладели Китаем, их вожди объявили, что верховное божество, или Небо, дало им власть над миром за их несравненные доблести. Результатом этой попытки оправдать воцарение дома Чжоу стало быстрое обмирщение чжоуской религии. С легкой руки чжоуских летописцев древние мифы превратились в назидательные исторические повествования, ведь с точки зрения чжоуских идеологов, люди сами предешают свою судьбу. Возникло понятие Небесного Пути (тянь дао), которое обозначало исток мирового движения, судьбу всего сущего, стоящую даже выше духов. Общения с божественными силами чжоусцы стали искать в самоуглубленности, нравственно оправдываемом самообладании. Так религия в чжоуской традиции постепенно заслонила этикой, жизнь праведная приобрела значение жизни правильной.

Впрочем, так было только в теории. В реальной жизни упадок авторитета старых богов вовсе не означал, что люди автоматически осознали собственную моральную ответственность. Конфуций был свидетелем острейшего кризиса традиционных духовных ценностей чжоусцев и испытал его последствия на собственном опыте. Он предложил свой, в общем-то, простой и ясный рецепт восстановления былого порядка: каждый человек должен сам понять глубокий нравственный смысл древних установлений и претворить его в своей жизни. Власть, не подкрепленная добродетелью, разрушает общество. Тиран может водворить в государстве порядок, он даже может создать в стране видимость благополучия, привести к процветанию науки и искусства, но он никогда не сможет сделать людей счастливыми.

Итак, первый совет Конфуция для всех людей и на все времена: начни исправлять мир с самого себя; прежде чем поучать других, позаботься о собственном совершенствовании. Вот почему у Конфуция просто не было шансов добиться успеха в политике, которая преж-

де и превыше всего есть искусство манипулировать другими людьми. Но по той же причине он имел огромный успех в деле учительства и воспитания. В своем доме Конфуций открыл, кажется, первую в историю частную школу, где в разное время обучались несколько сотен учеников, из которых, по преданию, семьдесят «прославили свое имя».

Весь смысл деятельности Конфуция-политика и Конфуция-воспитателя сводился к восстановлению авторитета чжоуской традиции, в сущности, единственной культурной традиции, известной ему. Но как человек новой эпохи, как Учитель человечности Конфуций подверг серьезному пересмотру центральное для чжоуской культуры понятие «ритуала» (ли). Первоначально относившееся только к культовым поклонениям предкам и божествам, оно стало во времена Конфуция знаком мировой гармонии, средством нравственной самооценки человека, нормой красоты. По той же причине Конфуций со всей серьезностью относился к исполнению традиционных ритуалов: последние были в его глазах лучшим средством воспитания. Правда, значение их вовсе не сводилось к внешней обрядности. Ритуал для Конфуция был, повторим, только поводом к самопознанию; в своем пределе он был некоей предвечной, как бы эмбриональной, вечносущей — ибо всецело сознательной — формой всех мыслей и душевных движений, некоей бесконечной действительностью, предваряющей, предвосхищающей все события, подобно тому, как семя в известном смысле уже содержит в себе плод. Познать ритуал означает, по Конфуцию, «держат на ладони весь мир», ведь в нем хранится предвечная матрица культуры, или, что то же самое, «семена всех вещей». Познать ритуал — значит прозреть внутреннее, лишь чаемое нашим сердцем совершенство каждой вещи. Сущность же ритуала, согласно Конфуцию, лучше всего выражает музыка — самая искренняя, самая понятная нам вестница полноты и гармонии жизни.

Так, предложенное Конфуцием размышление о нравственной значимости

ритуала приводило к открытию главенства безмолвия и покоя в качестве символов, другими словами, истока и условия — всех слов и действий. Истинный ритуал заявляет о себе не чем иным, как бездействием; он есть не предмет, не деяние, а Присутствие. Мудрому правителю, для того чтобы повелевать миром, требуется, согласно Конфуцию, недвижно «сидеть лицом к югу и не более того». Конфуций и сам однажды немало удивил своих учеников, заявив, что «не хочет больше говорить».

«Но если вы, Учитель, не будете говорить, что же мы передадим потомкам?» — спросили ученики. «Разве Небо говорит? — ответил Учитель Кун. — А ведь времена года исправно сменяют друг друга, и все живое растет. Разве Небо что-нибудь говорит?»

Позиция Конфуция не означает отказа от учительства. Китайский мудрец не хочет, чтобы только его индивидуальный, частный голос заглушал все многообразие голосов мира. Он хочет говорить языком полноты бытия. Не нужно говорить там, где правда жизни сама светится в каждом новом впечатлении, каждом жесте, каждом чувстве, где сообщение о некоем предмете целиком стало общительностью, приобщением к внутренней правде жизни. Здесь нужно лишь позволить кристаллу жизни светиться своим таинственным внутренним огнем.

Мудрый прозрачен: сияние небес просвечивает сквозь него... Оттого Конфуций не был философом, который выстраивает свою «систему мысли», закрепляя за словами какие-нибудь особые, им самим установленные значения. Оттого же позиции Конфуция, при всем ее педантизме, так свойственны ирония и даже добродушный юмор: не может не быть ироничным и шутливым тот, кто познал бессилие слова определить реальность и вместе с тем знает, что без слова человек не делает себя человеком.

Акцент Конфуция на ценности безмолвия — это тоже часть, и очень важная, Конфуциева оправдания культуры. Он напоминает о том, что все явленное — это

только метафора, «превращенная реальность». Но метафора неустранима в нашем восприятии, и в этом необходимое условие существования культуры, всегда оправдывающей декоративное, орнаментальное, иносказательное в жизни.

Культура, воспринятая под знаком метафоры, предстает царством теней, следов, отблесков незримого. В этом смысле культура в самом деле бессмертна. Пусть исчезнет галактика — культура как момент «самопревращения» бытия, игры сущности с собственной тенью остается.

Выскажемся еще определеннее: апология безмолвия у Конфуция — это не только не отказ от учительства, но и самое решительное, самое радикальное его оправдание. Ибо учитель потому и учитель, что он непонятен, непрозрачен для учеников, овеян аурой тайны. Безмолвие — признак разделения на посвященных и не посвященных, и мудрецы в Китае превыше всего ставили «обучение без слов», т.е. такое обучение, которое побуждает возвращаться вновь и вновь к домыслимому, совершенно непосредственному и конкретному переживанию жизни. Перед смертью Конфуций говорил, что никто в мире не понял его. Вот, поистине, слова, достойные великого Учителя!

Становится понятным теперь, почему в наследии Конфуция такое огромное значение имеют именно материальные его атрибуты, декорум жизни Учителя. Быть причастным к Конфуциевой традиции — значит пребывать в «тени Учителя».

Главный источник для изучения взглядов Конфуция — книга, именуемая по-китайски «Лунь юй». Ее прежний общепринятый перевод — «Беседы и суждения», но правильнее переводить «Обсужденные речи» или даже «Выбранные речи». Она представляет собой сборник отдельных высказываний Учителя, записанных учениками уже спустя много лет после его смерти. Настоящий предмет этой книги — не доктрина, а сама личность Учителя или даже, точнее, та часть его личности, в которой воплощается воля мудрого к самоустранению всего субъективно-ограниченного в нашем

опыте, приведению себя к согласию с мировым порядком. Но будем помнить, что, преодолевая все частное в себе, «Учитель всех поколений» на самом деле входит в жизнь, претворяет свое индивидуальное бытие в неумиряющее родовое тело жизни. Отсюда столь странное для европейца сочетание торжественного пафоса книги и малозначительности, порой шокирующей тривиальности упоминаемых в ней деталей из жизни величайшего мудреца Китая. Мы узнаем, к примеру, что Конфуций одевался скромно и практично: летом носил «холощовый халат, непременно надетый на легкую рубашку, чтобы соблюсти различие между верхним платьем и исподним». У себя дома он носил отороченные мехом халаты с обрезанным правым рукавом — так было удобнее и для ученых занятий, и для различных хозяйственных работ. Постясь перед жертвоприношением предкам, он обязательно надевал платье из самой грубой материи, ел самую грубую пищу и не сидел на своем обычном месте. А вот каких правил придерживался Учитель Кун за столом:

«Учитель не съедал весь поданный ему рис и все поданное на стол мясо. Он не ел прокисший рис и пищу, источавшую дурной запах. Он не ел плохо приготовленную пищу и никогда не кушал в неуточное время. Он не ел пищу, если она не была нарезана, как принято, мелкими кусочками, и не принимал пищу, лишенную подобающей ей приправы. Даже если на столе было много мяса, он всегда ел больше риса, чем мяса...»

Конфуций умел держаться просто, но с достоинством. В часы досуга, сообщают ученики, он был «радушен и весел». Если рядом кто-то запевал песню, которая ему нравилась, он охотно подхватывал. При случае, чтобы поддержать застолье, он не отказывался от чарки вина, но «никогда не бывал пьян». Он даже не протестовал против веселых гуляний в дни деревенских праздников, резонно замечая, что у крестьян есть потребность время от времени отвести душу, ведь и «лук, если его держать всегда согнутым, потеряет свою упругость». Однако,

встретив человека, носившего траур, он неизменно «принимал торжественный вид» и был безупречно учтив даже с нищими слепыми музыкантами, которых люди из «хорошего общества» вовсе не замечали. Он никому не навязывал своего мнения, и в числе самых памятных качеств Учителя его ученики называют именно его деликатность. Но, когда обстановка того требовала, он проявлял необыкновенную мужественность и не терял присутствия духа даже в минуту смертельной опасности.

Надо сказать, что Конфуцию было нелегко стать для своих современников всеобщим эталоном благовоспитанности. Природа наградила его грузным телосложением и весьма экстравагантной, если не сказать уродливой, внешностью: над его некрасиво выпученными глазами нависал необычайно массивный лоб, его уши были чрезмерно длинными, нос — толстым и мясистым, а из-под вздернутой верхней губы выступали наружу два неестественно больших передних зуба. На темени у него от рождения была глубокая вмятина, дававшая пищу для бесконечных пересудов. Кроме того, Конфуций отличался необычайно высоким ростом, за что его в молодости даже называли верзилой. И тем не менее благодаря многолетней работе над собой Учитель Кун в свои зрелые годы сумел снискать всеобщую симпатию современников и стать настоящим законодателем хороших манер.

И еще одна примечательная черта: жизненные правила Учителя Куна, как мы уже могли заметить, проникнуты заботой о здоровом и гармоничном образе жизни. В поведении и привычках Конфуция мы не найдем никаких причуд, никаких болезненных слабостей, которыми так часто отмечен образ гения в западной культуре. Известно, что Конфуций даже в старости был превосходным стрелком из лука и отличался недюжинной физической силой. Со временем в Китае его стали почитать, помимо прочего, и как одного из зачинателей методик оздоровления.

На фоне такого исключительного внимания учеников Конфуция к любопыт-

ным, но, скажем прямо, не слишком примечательным нюансам повседневной жизни их Учителя становится еще заметнее отсутствие в составленной ими книге каких-либо систематических сведений об учении Конфуция и даже о его биографии. Авторам «Обсужденных речей» дороги каждое слово и каждый жест любимого наставника, для них в его жизни нет ничего незначительного — и это счастливо избавляет их от необходимости судить о «главном» и «второстепенном» в наследии Учителя. Они создали самый ранний в истории человечества портрет человека как он есть. Портрет настолько не приукрашенный и живой, что кажется даже не портретом, а как бы словесным слепком своего прототипа, явленным, подобно настоящему отпечатку тела на бумаге, в хаотической россыпи пятен, штрихов, нюансов тона. И эти блики потаенного света не столько выявляют некий внешний образ личности, сколько вызывают к глубине сознающего (следовательно, нравственного) сознания. Перед нами, если говорить точнее, портрет человека, претворяющего в опыт человечность, — общий для всех и каждому внятней. Правда бесед Учителя Куна с его учениками — это встреча сердец, всегда неожиданная и все же ожидаемая, мимолетная, но оставляющая о себе бесконечно долгую память. Это сама правда ритуала — события, нескончаемо воссоздающегося в потоке времени.

Так со страниц «Обсужденных речей» в нас входит образ человека, словно растающего в людях и поколениях, извечно претворяющего себя в иную жизнь. Этого человека мало понимать. С ним нужно прожить жизнь — долгую, углубленную.

Если мы уловим присутствие в «Обсужденных речах» некоего затаенно-эмоционального подтекста, тех почти бессознательных чувств и порывов, которыми питается очарованная душа, если мы доверимся этому подтексту, мы поймем, почему авторы этой книги, при всем их благоговейном внимании к деяниям и словам Учителя Куна, остались равнодушны и к хронологии, и даже

ко многим ключевым датам его жизни. Дело в том, что в жизни Конфуция их интересовали не факты, а события, имеющие силу духовного воздействия, еще точнее — сама событийность разных жизненных миров, безмолвная встреча человеческих сердец. Из фактов складывается биография, из событий получается нечто другое — может быть, житие, может, драма, а может, серия анекдотов с назидательным выводом. Исторически словесная мозаика «Обсужденных речей» с ее краткими, часто маловразумительными предложениями, обрывками разговоров, записями житейских случаев и прочим, и в самом деле отлилась в две литературные формы: афоризм и анекдот. И то и другое указывает на предел развития конфуцианской словесности, когда слово из сообщения о чем-то становится безмолвной — мечта Конфуция! — общительностью людских душ. Ведь афоризм и анекдот рождаются, собственно, из внезапно открывшегося понимания ненужности говорения. Они упраздняют сами себя, ибо сообщают о том, о чем говорить невозможно и не нужно.

Афоризм и анекдот — главное средство наставления у китайского Учителя, который хочет устранить себя для того, чтобы явить необозримую полноту жизни. Они равно чужды бесстрастности логического тезиса и пристрастности субъективного самовыражения. В сущности, они очерчивают пространство музыкальных созвучий мировой души, в котором пребывает символическое — всегда лишь чаемое — «тело» традиции.

При подготовке этой книги к печати соблазнительно было расположить изречения Конфуция и его учеников по отвлеченным тематическим рубрикам. Но в конце концов составитель решил сохранить традиционную, по виду «хаотическую» композицию книги. Такая композиция сама по себе имеет огромное воспитательное значение, ибо она-то и учит завещанной Конфуцием духовной «настройке слуха», помогающей с вниманием относиться к любой мелочи, прозревать неизменное и великое в как бы случайном и частном. Превыше все-

го она учит постигать сущность вещей в том, что кажется лишь побочным, орнаментальным. В усадьбе рода Кунов хранится старинный портрет Конфуция и двух его учеников, края и складки одежды которых выписаны крохотными иероглифами текста «Обсужденных речей». Трудно придумать более наглядную иллюстрацию сущности Конфуциева слова: скромного и практичного, как предметы домашнего обихода, сказанного всегда «к случаю», предназначенного быть усвоенным не просто умом, но сердцем, даже «всем существом», и притом слова-орнамента, прикрывающего, как всякое украшение, символическое тело предания...

Учитель, достойный своего звания, должен быть загадочен, в известном смысле даже непонятен для ученика. Настоящий учитель — это всегда тайна. Есть какая-то неизъяснимая тайна в стремлении создателей книги о Конфуции выхватывать в жизни Учителя ее самые обыденные, непритязательнейшие черты, подобно тому, как объектив бинокля выхватывает неприметные невооруженному глазу детали пейзажа. Внимательный и вдумчивый читатель узреет в самом факте фиксации этих простых житейских «случаев» свидетельства особенной чувствительности духа, знаки внутренних озарений, как бы пробуждений сознания, когда мы словно в первый раз видим знакомые вещи и с изумлением открываем мир заново. В конечном счете эти тонкие узоры многоцветного полотна внешней жизни приоткрывают нам таинственную глубину жизни внутренней, где бесчисленные творческие метаморфозы свершаются в светоносном и безмолвном, как само Небо, просторе сознания, открывшегося полноте бытия, полноте символической, которая сродни невообразимому совершенству музыкальной гармонии. И недаром Учитель Кун более всего ценил в своих учениках способность «по одному углу квадрата опознать три остальных», за единичным событием увидеть вечносущий Путь.

Конфуций как раз и обозначал эту просветленную, сверхприродную жизнь

сознающего сердца понятием *тянь*, что означает «небо». Небо для Конфуция — внутренняя реальность, и притом вмещающая в себя всю бессмертную «мудрость предков». Именно Небо, по утверждению самого Конфуция, даровало ему знание просвещенной жизни — *вэнь* (этот термин обычно передается в европейских языках словом «культура»). Небо, в понимании Учителя Куна, — это среда и сила жизненного творчества, беспредельное поле человеческой общительности.

О «небесной» тайне в своей судьбе Конфуций говорил неохотно, все больше намеками. Но он любил повторять, что «жизнь во имя Неба» требует собой и, надо сказать, малознакомой европейцу аскезы, которую можно назвать аскезой культуры. В формах культурной традиции он искал свидетельства самозабвенно-вольного парения духа. Ученики Конфуция сохранили известие о том, что их Учитель, услышав однажды звуки древней музыки, «три месяца кряду не чувствовал вкуса мяса». Сам Конфуций называл себя человеком, который «спит, подложив под голову локоть вместо подушки, и так поглощен учением, что не замечает надвигающейся старости». Наконец, Учитель, достойный этого звания, не просто знает заветы древних, но умеет «хранить тепло» древности, иначе говоря — внутренне, интимно соприкасается с «небесным» апофеозом жизни.

Сияние «небесной» мудрости опознается только по отблескам его в земной жизни. Истинный мудрец говорит лишь через своих преемников. Мы не можем «читать Конфуция» (который ни слова не написал от своего имени); мы можем только читать о Конфуции и благодаря Конфуцию. Но и сам Учитель лишь сообщает об истине, высказываясь по тому или иному поводу. «Излагаю, а не сочиняю. Верю в древнее и люблю его» — гласит одно из самых знаменитых изречений первого мудреца Китая. Правда традиции не принадлежит даже ее творцу. Эта правда предвечна, всегда уже задана мысли и опыту. Всякое слово — лишь тень и отблеск ее незримого тела.

Самое имя «Конфуций» есть обозначение того, кто первым вступил в безначальный и бесконечный поток «небесного» бытия; кто первым открыл нравственную природу сознания и постиг свое бессмертие в самом акте сообщительности людских сердец. И поэтому правда традиции — не идея, не вещь, не кумир, а лишь выверенное, правильно ориентированное движение. Она есть подлинно Путь (*дао*) всего сущего. Жизнь же в правде есть вечное учение: поиск направленности своего пути, органически — цельное произрастание души.

Да, «учение» Конфуция есть только его жизнь и ничего более. Но это жизнь, не вмещающаяся в биографию, в «описание жизни». Словно музыкальный аккорд, она навевает память о незапамятном и наполняет сознание ликующей радостью неисповедимых перемен...

Конфуций сам поведал о своем *пути очеловечивания* в следующих словах:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению.

В тридцать лет я имел прочную опору.

В сорок лет у меня не осталось сомнений.

В пятьдесят лет я знал веленье Небес.

В шестьдесят лет я настроил свой слух.

А теперь в свои семьдесят лет я следую зову сердца, не нарушая правил».

Загадочные и все же простые слова. Слова, вместившие в себя весомость человеческой судьбы и потому не нуждающиеся в риторических красотах. Исповедь, высказанная чуть ли не с протокольной аккуратностью, но обозначающая вехи сокровенного пути человеческого сердца. Пожалуй, более всего в ней удивляет то, что духовный рост Конфуция сливается с ритмом биологических часов его жизни, что моменты внутренних прозрений отмерены общепризнанными рубежами общественного мужания человека: пятнадцать лет, тридцать, сорок... По Конфуцию, человек умнеет, как идет в рост семя — неостановимо, произвольно и нескончаемо: нет предела совершенству. Это органическое мужание духа не знает ни драматических

поворотов судьбы, ни каких-либо «переломных моментов». Но оно, конечно, не приходит само по себе, а требует большого мужества, ибо предполагает способность постичь свою границу, превозмочь себя, прозреть неизбывное в «прахе мира сего». Мудрость Конфуция — это смыкание духа и тела в бытии культуры как жизни вечнопреемственной. Она есть свобода, но свобода выверенная, безупречная, ибо целиком нравственная.

Но что же связывает эти на первый взгляд совсем разные состояния души Конфуция: «прочная опора», «отсутствие сомнений», «чуткий слух»?.. Мы знаем лишь исход Конфуциева совершенствования: безукоризненная и, кажется, именно поэтому всегда незаконченная, открытая в будущее гармония чувств и рассудка, естества и искусности. Гармония, выработанная многолетним усилением воли, но ставшая уже «второй природой». А вот содержание этого усилия и есть «небесное» бытие — вечно живой момент духовного пробуждения. Конфуций никогда не говорил о таких вещах прямо. Но однажды он заметил, что стал знаменитым Учителем не потому, что много знает, а потому, что все его наставления «пронизывает одна нить». Таков главный завет первого мудреца Китая: стянуть человеческую жизнь в одну нить судьбы.

Сегодня мы можем сказать, что Учитель Кун впервые в Китае, а может быть, и во всем мире показал значение символического языка культуры для образования и воспитания человека. Это значение раскрывается в двух основных измерениях.

Во-первых, в формах культуры воспроизводится матрица человеческой практики — как материальной, так и духовной. Усвоение этих форм, представляющих собой плоды типизации человеческой деятельности, позволяет ученику реально претворить в своей жизни символическое «тело» традиции и обрести бессмертие в бытовании культуры. Именно такой характер, заметим, носило традиционное обучение в Китае, заключавшееся в усвоении учеником репертуара типовых форм того или иного искусства: художнику надлежало усвоить типовые

элементы картины, музыканту — закрепленные традицией аккорды, и в любой жизненной ситуации ученому человеку полагалось соблюдать соответствующие нормы поведения. Ученость, таким образом, была неотделима от воспитанности и обладания хорошим вкусом. Требование усвоить матрицу всех действий обеспечивало фундаментальный характер самого обучения, а фундаментом всего воспитания и обучения оказывалось возвращение моральной воли в ученике. Человеческая личность, или, точнее, жизнь, вечно бодрствующее (и, следовательно, моральное) сердце в Конфуциевой традиции первично и важнее отвлеченного знания. Отсюда известное китайское изречение, гласящее: «В руках хорошего человека плохой метод становится хорошим, а в руках плохого человека и хороший метод плох».

Во-вторых, обучение, согласно Конфуциеву «проекту», предполагает познание ценности культуры как *декорума* бытия. Педагогический гений Конфуция сказался, быть может, более всего в его понимании несостоятельности и бесплодности всякой заданности и декларативности в обучении. Претензия учителя на обладание истиной, мнимая многозначительность суждений, плоское резонерство неизбежно приводят к догматизму и способны вызвать в ученике лишь протест против истин, которым его обучают. Человека нельзя «выковать» по какому-то заданному плану: реальные результаты такой «ковки» окажутся противоположны задуманному. Конфуций (и свидетельством тому является уже сам текст «Обсужденных речей») учил открывать главное через частное, важное — через незначительное, вечное — через случайное. Он умел избежать насилия над учеником. Но в широком смысле успешно обучать способен лишь тот, кто умеет, говоря об одном, открывать другое — не изреченное в словах. Конфуций и сам говорил, что он берет в обучение лишь тех, кто способен «понять три, когда им указывают на одно». Только так обучение не закрепощает ученика, а наоборот, делает его свободным.

В широком смысле обучение, по Конфуцию, преследует цель развить духовную чуткость, чувствительность ученика: последний, усваивая формы культуры, научается не только видеть в них плоды духовного подвижничества человека, но и ценить уникальность каждого нюанса опыта. Конфуций открыл одну великую истину: только подлинно образованный человек может сделать мир свободным, ибо ему доступно понимание неповторимости, уникальности каждого мгновения осознанной жизни, каждой человеческой личности, каждого места, о котором можно сказать: «Здесь был человек».

Как ни скупы, ни отрывочны записи «Обсужденных речей», они позволяют составить общее представление о педагогическом методе Конфуция. Надо сказать, что этот человек, так радевший о возрождении древних порядков, внес в дело обучения немало нового. Пожалуй, более всего поражает его радушие: знаменитый Учитель не без вызова заявлял, что готов принять в ученики всякого, кто принесет ему в качестве платы за обучение «связку сушеного мяса». Прежде в Китае учительствовали исключительно высокопоставленные чиновники, которые брали в учение только детей из знатных семейств. Конфуций первым стал обучать простолюдинов, почти не имевших надежды поступить на царскую службу. Он любил повторять:

«В обучении не должно быть различия между людьми».

Таким образом, Конфуций впервые в истории стал ратовать за равенство всех людей в обучении, за предоставление всем равных возможностей учиться. Это поистине революционное новшество стало возможным потому, что Конфуция интересовало не происхождение его учеников, не их жизненные планы, даже не их способности, а прежде и превыше всего — сами эти ученики как личности. Его интересовало просто человеческое в человеке. Он никогда не судил о людях, если не встречался с ними лично и не мог сам составить о них суждение. Поднявшись выше сословных предрассудков и всех предубеждений о человеке, он пришел

к одной простой истине — истине настолько здравомысленной и всеобщей, что в наши дни она стала одним из девизов ЮНЕСКО:

«По своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки».

Итак, в человеке Конфуция интересовал сам человек. Этим обуславливаются особенности его учительского метода. По традиции в школах чжоуского Китая изучались так называемые «шесть искусств», необходимые молодым аристократам: чтение, счет, музицирование, правила хорошего тона и воинские искусства — стрельба из лука и езда на боевой колеснице. Конфуций, конечно, нисколько не подвергал сомнению традиционную программу образования, ведь в ней воплощались неумирающие ценности столь любимой им «древности». Он и сам был одним из самых начитанных людей своего времени, прекрасно владел счетом и был отличным стрелком из лука. Но он же был и заклятым врагом всякой формалистики и всякого техницизма в обучении. Учитель Кун совсем не был похож на хорошо знакомый всем нам образ преподавателя-профессионала, который является в класс по часам, чтобы преподать учащимся «знание предмета», а в остальное время живет своей личной жизнью, порой очень далекой от того, что он проповедует в классе. Главный завет Конфуция: будь мастером не ремесел, а собственного сердца, постигни смысл жизни в самоуглубленной работе сознания, для которой не требуются ни технические орудия, ни власть, ни даже признание общества.

Для Конфуция учение настолько сливалось с жизнью, что зачастую трудно понять, где в его школе кончается одно и начинается другое. Юноши, по обычаю поклонившиеся ему как отцу-наставнику и поднесшие в знак преданности подарки, приходили в дом Учителя на целый день, а часто постоянно жили в нем, помогая по хозяйству. Не существовало ни установленных часов для занятий, ни программы обучения, ни чего-либо похожего на экзамены. Обычно с раннего утра,

сразу после завтрака, ученики собирались в главном зале учительского дома, где хозяину полагалось встречать гостей. Поклонившись Учителю, ученики рассаживались друг против друга вдоль западной и восточной стен комнаты, а Учитель садился между ними перед северной стеной, где находился алтарь предков — самое почетное место в доме. В погожие дни он выходил во двор и усаживался в тени любимого абрикосового дерева (отчего его школа получила в истории название «Абрикосовый алтарь»).

Конфуций не читал лекций, не проверял знаний учеников, даже не толковал древние книги. Он обучал и воспитывал посредством свободной беседы, более непринужденной, чем философские диалоги Сократа, но отнюдь не бездумно-поверхностной, а рождаемой опытом постижения человечности в человеке, осмысленной и нравственной в каждом ее слове. Говорил лаконично, весомо, с какой-то ненавязчивой, но неоспоримой убедительностью. Иногда он отвечал на вопросы, изредка спрашивал сам, а чаще молча слушал разговоры учеников. Никаких споров ради познания истины, никаких умствований с целью вывести «общие правила» мудрой жизни; участники этих занятий только сопоставляли и размышляли, стараясь извлечь для себя урок — для каждого свой. Постоянной спутницей занятий была музыка — этот прообраз «небесного» ритма бытия, — которая связывала собеседников незримыми узами гармонических созвучий, очищала от мирской пошлости, дарила отдохновение от споров и размышлений. Конфуций не оставлял учительской деятельности и во время своих странствий, в которых его всюду сопровождали самые верные ученики. Конфуций не считал своей задачей преподавание каких-либо специальных и технических знаний. Однажды он даже рассердился на ученика, спросившего его о чем-то по части земледелия, и посоветовал обратиться к старому крестьянину — уж тот-то наверняка знает лучше! Учитель Кун занимался не тем господствующим ныне видом обучения, который принято называть

«функциональным», а духовным ростом личности: задача его учительства — направление всех движений человеческой души, самопроизрастание человека. Для него обучение находит себе пищу во всякой жизненной ситуации, всяком нечаянном чувстве, каждой мысли — во всех тех многозначительных случайностях, из которых складывается осмысленно прожитая жизнь. Он, конечно, не отказывался от усилий познания, но ему был чужд интерес к отвлеченным, логически выводимым истинам. Он учил не столько правильно мыслить, сколько правильно действовать и даже, если угодно, правильно чувствовать. Он вывел знание из жизненного опыта и не видел в нем никакой ценности, если его нельзя было к этому опыту приложить.

«Наверное, есть люди, которые берутся за дело, не обладая знанием, но я такой ошибки не делаю, — говорил он. — Я внимаю всему, что слышу, и следую всему доброму из того, что услышал. Я всматриваюсь во все, что происходит вокруг, и следую всему доброму из того, что увидел».

Еще более известное изречение Конфуция гласит:

«Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему поучиться. Достоинствам их я буду подражать, а на их недостатках сам буду учиться».

Конфуций не уставал повторять, что простейшие жизненные добродетели — самообладание, здравый смысл, скромность, усердие — способны мало-помалу привести любого человека к вершинам мудрости, сделать его хозяином собственной судьбы. Путь Конфуция до предела разумен и естествен: на пути нравственного совершенствования нужно исходить из того, что нам задано семьей, обществом, всей культурной традицией, что, по слову самого Конфуция, «лежит поблизости». Воспринимая то, что задано нам самой жизнью, нужно искать смысл явлений, постепенно расширяя свое понимание на весь мир. Понимание же природы вещей развивает в нас способность критически оценивать себя и тем самым — преображаться самим. Великие свершения начинаются с малых дел.

Учение по Конфуцию — занятие в высшей степени естественное. По собственному, слегка ироничному замечанию Конфуция, он учил людей «входить в комнату через дверь». Разве нужно объяснять людям пользу дверей? Тем более были непонятны Учителю Куну те, кто отворачивается от очевидных истин. «Того, кто отвергает правила, а сам живет несправедливо, — говорил он, — кто не имеет знаний, а в себе уверен, кто ничего не умеет, но не ищет надежных друзей, я совершенно не могу понять».

Загадка Конфуция, загадка неиссякаемой жизнечности его наследия, как раз и состоит в том, что Учитель Кун не учил «ничему особенному». Чтобы понять учительское кредо Конфуция, нужно пойти дальше школьных регламентов и научиться жить сокровенным единением людских сердец — материи настолько деликатной и интимной, что она не укладывается ни в какие определения и прячется под покровом иносказаний, недоговоренности, иронии. Никакие доказательства и опровержения, никакие похвалы и запреты не могут ничего изменить в этой внутренней правде человеческой жизни. Всякий, кто искренне желает стать учеником и искать причастности к опыту человеческой общительности, заслуживает внимательного и радужного обращения. Учитель не может унижать его подозрительностью, мелочной опекой, разговорами о пустяках, суетливым репетиторством. Равным образом учитель не обязан выделяться необыкновенной эрудицией и благочестием — ему следует делать лишь то, чему и другие смогут подражать. Ибо человека делают учителем не обширные познания и не мастерство само по себе, а умение точно выбирать слово, жест и поступок, действовать всегда «ко времени». Речь идет, в сущности, о тонком чувствовании человеческой общительности. Мудрый умеет быть заодно с другими, не уподобляясь никому. Он живет творчески — в духе изречения Конфуция:

«Хороший человек не будет идти там, где уже прошел другой». Постаревший и предавшийся возвышенной